

ВЫСОКАЯ ПАТЕТИКА

«СВАДЬБА СВИЧКИ» является, несомненно, одним из наиболее значительных созданий выдающегося украинского драматурга Ивана Кочерги, чье творчество еще не оценено у нас в полной мере и ждет своего серьезного исследователя.

Эта пьеса была написана в 1931 году, однако долгое время за ней устойчиво сохранялась репутация произведения, хотя и безусловно талантливого и даже истинно поэтического, но, как уверяли многие, пригодного только для чтения, а не для театра. Противники пьесы утверждали, что, будучи поставленной на сцене, она неизбежно окажется аморфной, лишеной драматического напряжения и, что всего опасней, скучной.

Какими же недалевидными и даже попросту смехотворными выглядят все эти «пророчества» теперь, когда мы увидели «Свадьбу Свички» на сцене Украинского драматического театра имени Франко, показавшего нам спектакль большой эпической силы, насыщенный картинами драматической борьбы, глубоко волнующими зрителя.

Пьеса задумана и написана в жанре высокой героической драмы.

Выбыл этого жанра продиктован прежде всего самим содержанием пьесы, запечатлевшей историю героической борьбы рабочего люда Киева на рубеже XV—XVI вв. против безудержного произво-

ла своих и особенно чужеземных феодалов, которые не только жестоко эксплуатировали их труд, но и не упускали любой возможности, чтобы всячески оскорбить и унижить их человеческое достоинство.

Преследуя именно эту цель, литовский воевода запретил жителям Киева пользоваться свечами и вообще зажигать свет в своих домах. Вольнолюбивые киевляне не подчинились этому неслыханному требованию. Самые знаменитые мастера многочисленных ремесленных цехов Киева собрались однажды вечером у оружейника Ивана Свички, чтобы отпраздновать его свадьбу с красавицей Меланкой, и сотни свечей, зажженных на этой свадьбе, были прямым вызовом воеводе.

Недолго продолжался свадебный пир. Нагрянувшая по доносу предателя челядь князя Ольшанского избила и разогнала гостей, погасила свадебные свечи, уволкла с собой Меланку, имевшую несчастье поправиться князю.

Столь дикая расправа с мирными людьми, учиненная с прямого согласия воеводы, стала той последней каплей, которая переполнила чашу народного терпения, заставив простых тружеников взяться за оружие, чтобы ответить силой на насилие, в борьбе отстаивать свое право на честь, свободу и достоинство человека.

Этим мощным взрывом народного гнева, справедливым судом угнетенных над угнетателями и завершается драматическая поэма Ивана Кочерги.

Однако если в пьесе неизбежно такого взрыва явно ощутима уже в первых сценах, то в спектакле франковцев дра-

ма по-настоящему вступает в свои права во второй его половине. Поначалу же ей мешают обрести свою силу некоторые элементы этнографизма. С особенной очевидностью это обнаружилось в сцене свадьбы, где режиссер Г. Юра любовно, красочно, во всех подробностях воссоздал торжественно-величавый свадебный обряд, но именно этнографической достоверностью и приглушается бунтарский дух, которым проникнута эта сцена у автора.

В известной мере этнографизм сказался и на трактовке некоторых образов пьесы. Так например, артист А. Каневский, играющий очень важную роль мастера золотых дел Передерия, насильственно ослепленного в свое время за бунт против угнетателей народа, видимо, больше озабочен тем, чтобы наделить своего героя внешне выразительными чертами благородно-монументального слепого старца, чем раскрытием живого конкретного характера.

Однако, несмотря на отдельные просчеты, спектакль в целом оставляет очень сильное, волнующее впечатление. Эту силу и значительность придает ему и та подлинно драматическая экспрессия, с которой решены лучшие сцены неудержимо развивающегося народного восстания, и эмоционально насыщенная, торжественно-приподнятая музыка композитора В. Рождественского, и отличные по своему лаконизму, исторической достоверности и выразительности декорации художника Ф. Нироде. Но, разумеется, больше всего своим успехом этот спектакль, как и все лучшие спектакли франковцев, обязан актерам, создавшим целую галерею живых, непов-

торимых в своей индивидуальности героев пьесы И. Кочерги. И здесь прежде всего хочется на-

звать известную москвичку еще по «Калиновой роще» О. Кусенко, блиставшую тогда незаурядным комедийным дарованием. В «Свадьбе Свички», так же, впрочем, как и в «Короле Лире», мы имеем прекрасный случай убедиться, что эта талантливая актриса отлично чувствует себя и в трагедии. Созданный ею образ женственно-нежной и в то же время мужественно-непреклонной Меланки, верной подруги Свички, предпочитающей смерть позору, — яркое тому доказательство. С большим драматизмом играет К. Литвиненко сложную роль нелюбимой жены воеводы — Гильды, нашедшей в себе силу храбро стать на защиту интересов народа, нужды которого столь понятны и близки ей, дочери бедного ремесленника, лишь в силу случая и прихоти воеводы оказавшейся его женой. Несомненно интересен и убедителен образ народного вожака Ивана Свички в исполнении актера В. Цимбалиста.

Жесткие рамки газетной рецензии лишают возможности даже бегло оценить все актерские удачи этого крупного спектакля. Однако в заключение нельзя все же не отметить великолепное исполнение артистом Д. Милотенко роли воеводы. Эту замечательно точную по выбору изобразительных средств и предельно убедительную по их воплощению в образе работу удивительно разностороннего и никогда не повторяющегося актера особенно оценят те зрители, которым посчастливилось в дни декады увидеть и сопоставить созданные им образы шута в «Короле Лире» и Харлампия в «Не суждено».

Г. КАЗИМИРОВ.

«СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА»

2 стр. 24 ноября 1960 г.